

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Б39

Серия «Попаданец»
Выпуск 87

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Безбашенный

Б39 Не римская Испания: Арбалетчики в Карфагене: роман / Безбашенный. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 480 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-122146-1

Весной 196 года до нашей эры шесть наших современников вместе со своими испанскими сослуживцами переводятся для дальнейшей службы из Испании в Карфаген. Город этот большой и по античным меркам комфортный, если кошелек не пустует. Но и в нём покой нашим попаданцам только снится. Сами того не желая, друзья почти сразу же оказываются в гуще местных интриг.

Карфагенские финикийцы, родосские греки, египтяне — змеиный клубок вряд ли оказался бы опаснее. Но и наши попаданцы — уже не зелёные новички в античном мире. Их знания и приобретённый в Испании опыт помогают им не только уцелеть, но и с честью выполнить нелёгкое задание нанимателя.

Но вот «жить поживать, да добра наживать» тихо и спокойно не выходит ни у кого.

Карфаген тоже бурлит. В нём сталкиваются интересы противостоящих олигархических группировок, и в стороне от них друзьям не отсидеться, поскольку и их наниматель — тоже простой карфагенский олигарх.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-122146-1

© Безбашенный, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Благодарности

Как и в первой книге серии, я благодарен многочисленным комментаторам на «Самиздате», и в особенности — историку *Максиму Владимировичу Нечитайлову*. Без их помощи и замечаний эта книга не приобрела бы своего нынешнего вида. Я также благодарен и художнику *Сергею Курганову*.

1. РИМСКОЕ МОРЕ

— Зверь-машина! — прокомментировал Володя остановившую наш караван для проверки римскую трирему. — Хрен от такой уйдёшь!

— И обязательно им надо всё и всех контролировать! — добавил Серёга. — Ну вот как есть империалисты хреновы!

Мы с Васькиным хмыкнули, но развивать «кухонно-политическую» тематику не стали. Конечно, и начальники судов, и их владельцы, если кто из них плавает сам, и кое-кто из матросни — все они обсуждают сейчас по финикийски «проклятый римский империализм», от которого «никакого житья не стало». Можно, конечно, сколько угодно проклинать римское морское господство, призывая на самих гордых квиритов гнев Баала и Мелькарта, а на их флот — Решефа и Йама, но много ли от этого толку? Какое дело богам до мольбы тех, кто просрал войну? Надо было выигрывать её, а для этого — не жлобиться самим и не позволять жлобиться собственным олигархам. Ведь флот-то какой имели! Едва ли слабее римского, а уж моряков-то — всяко лучших, чем противник. Ну, не помогло это в Первую Пуническую, просрал её Карфаген — бывает. Но во Вторую-то — как раз недавно закончившуюся — каким отсеком спинного мозга думали? Какого хрена даже попытки не сделали вернуть себе морское господство? Дорого? А контрибуции теперь Риму платить не дороже ли выходит? Страшно? А в полной римской власти оказаться не страшнее? Да, вполне могли побить и первую эскадру, и вторую, и третью. Как сами карфагеняне били римский флот в Первую Пуническую раз за разом, а римляне, сцепив зубы, строили новый и в конце концов научились строить корабли конвейером. И собственно говоря, не только возросший

опыт, не только пресловутый корвус — мостик ихний абордажный, но и этот конвейер, всякий раз восполнявший убыль в кораблях, дал наконец римлянам победу и на море. А самим сделать то же самое — что, Мелькарт с Йамом не велели? Противопоставить римскому кораблестроительному конвейеру свой собственный — кишка тонка? Ну так был ведь удобный период, когда Ганнибал бил римлян в самой Италии и остановить римский конвейер мог запросто — какого ж хрена не воспользовались? Если флотоводцам умения флотоводческого не хватает, так даже тупо числом можно было в то время римский флот одолеть — не в первом сражении, так во втором, в третьем, в очередном наконец, как и сами римляне в прошлую войну. Даже побеждая, римский флот нёс бы ослабляющие его потери, которые нечем было бы восполнить. Если аналогичный фактор на суше стал в конечном итоге решающим для сухопутной армии Ганнибала, что помешало бы такому же сработать и на море в карфагенскую пользу? Не воспользовались моментом, просрали — получите своё, и на себя теперь надо пенять, а не на римлян, если уж по справедливости. Только вслух ведь «болеющим душой за державу» финикийцам этого не скажешь — если, конечно, не чешутся кулаки с ними подражаться. А у нас они не чешутся, мы люди мирные, спокойные и даже добропорядочные — в свободное от службы время, по крайней мере.

А если совсем уж по справедливости — так ещё и спасибо следовало бы сказать римскому флоту, патрулирующему море и защищающему грузовые купеческие тихоходы — и карфагенские в том числе — от пиратов. Ведь не от Карфагена же теперь защиты ждать, с его-то жалкими десятью триремами! Обидно, могу понять, но ведь сами же и виноваты, если разобраться. Могли бы двадцать иметь или даже тридцать, торг был вполне уместен, Сципион ведь не жадничал, и не хрен было его злить перехватом римских транспортов с провизией. Сами же, если разобраться, и напросились на ухудшение условий мира. А ты не проигрывай войну, а если проиграл — так не серди по пустякам победителя. Вредно это и чревато — и для здоровья, и для кошелька.

Трирема нынешнего «мирового жандарма» и в самом деле впечатляла — было чем. Длинная, стремительная, и точно хрен уйдёшь, если встреча с ней нежелательна. И хрен от неё отобьёшься без целой батареи «скорпионов» или хотя бы одного завалящего, но исправного пулемёта. Но пулемёта в этот мир никто из нас как-то не прихватил, а для батареи «скорпионов» на перевозящем нас «купце» банально нет места. А без них — ну, не протаранит, так на abordаж возьмёт. Вон он, корвус ихний abordажный, вместо передней мачты приделан. Опустится резко, вопьётся шипами в палубу, и побегут по нему гуськом римские морпехи, прикрывшиеся стандартными легионерскими скутумами. Для того и внедрён у римлян этот abordажный мостик ещё в Первую Пуническую, чтобы не боялись переведённые в морскую пехоту легионеры свалиться в воду и утопнуть в своём тяжёлом снаряжении. А когда ворвутся они на палубу, накопятся, выстроятся щит к щиту — пиши пропало. Не одолеть римскую тяжёлую пехоту, когда она в строю. На суше разве только фаланге македонского типа это ещё под силу, но где ж её взять, такую фалангу, на палубе грузо-пассажирского торгового судна?

Интерес же римлян к нашему каравану вполне объясним. Как ни велик римский флот, всего Средиземного моря ему не объять. Раньше эту часть моря контролировал флот Карфагена, которого больше нет, и теперь здешние пираты действуют не в пример смелее прежнего. А судёнышки у морских хулиганов лёгкие и быстроходные — не быстрее этой триремы, конечно, но пузатому «купцу» не уйти и от них. В результате же карфагенские купцы стали и сами обзаводиться кораблями побыстрее. Новые, вновь построенные, уже не так пузаты, как прежние. Длиннее, больше вёсел, даже в два яруса у некоторых из них, эдакие грузовые торговые биремы. Некоторые не скупятся и на таран на носу, дабы продрывить пирату бочину, если тот ему наперерез зайдёт — а ты не подрезай при обгоне, гы-гы! Соблюдайте, граждане, правила движения на маршруте. Ну и как тогда прикажете эти новые купеческие корабли от пиратских издали отличать?

Вот и интересуются римляне такими «нетипичными купцами», не пираты ли это замаскировавшиеся. Самый подозрительных и досматривают, так что в двух ярусах вёсел и таране, делающих судно внешне из чисто торгового полувоенным, есть и немалые минусы, а не одни только плюсы. Как раз у нас на глазах досмотровая партия с триремы десантировалась на палубу одного такого ухаля. Без хамства десантировалась, корвус свой римляне опустили аккуратно, фальшборта и палубы не портя, но шмон они там устроили очень даже нешуточный, так что седых волос у командовавшего тем судном финикийца прибавилось наверняка. Отличиться перед начальством, проявив бдительность и найдя что-то подозрительное — уже для служивого неплохо, даже если поднятая им тревога и ложной окажется, а если повезёт и у торгаша и в самом деле рыльце в пушку, то, глядишь, и на лапу предложит всей досмотровой партии, за что та уж всяко будет благодарна тому, кто обеспечит ей левый заработок. И в своём кошельке монет прибавится, и от товарищей уважения и авторитета в коллективе. Поди плохо? Много ли найдёшь таких купцов, кто был бы совсем уж кристально чист? С трудов праведных не наживёшь палат каменных...

— Пряма как гаишники, млять, до водилы догребались! — прикололся Серёга.

— Как бы до нас следом не догребались! — мрачно процедил Володя.

— А из арбалетов по ним вжарим! Неужто щитов ихних не пробьём? — после тех наших былых успехов в Испании Серёга любит похохмить, что мы хоть чёрта лысого на ноль помножить способны.

— Пробьём — и щиты, и кольчуги — первым четверым, — разжёвываю я ему. — Но на этой триреме одних только морпехов полная центурия — человек шестьдесят, если не восемьдесят, а ещё матросня, да и гребцами там сидят не рабы, а лёгкая пехота. На всех нам может банально не хватить болтов.

— Вану, здэс город болше миллиона! Паэтому хватыло нэ на всэх. — пропел Володя кусочек из давнишней песни Новикова, имитируя полагающийся для неё грузинский акцент.

— Надеюсь, сеньоры, вы не собираетесь экспериментировать? — поинтересовался Хренио. — Я, конечно, подержу вас, если что, но при таком соотношении сил...

— Даже не думайте, идиоты! — твякнула Юлька, приняв наши мрачные шутки за чистую монету. — Герои, млять, недоделанные! О нас с Наташкой подумали?!

Арбалеты наши, как и болты к ним, пожалуй, и в самом деле не стоило перед римлянами афишировать. Если заинтересуются — эти мигом повод для придинок найдут, а дарить им наши агрегаты не хотелось категорически, как и на лапу им давать, чтобы они и нами самими заодно не заинтересовались. Поэтому мы их от греха подальше привыкали, не дожидаясь, пока очередь дойдёт до нашего судна. На хрен, на хрен, как говорится.

Но совершенно аналогичные мысли, хоть и по другому немного поводу, были в своё время и у нашего нынешнего нанимателя, «досточтимого» Арунтия. Новые веяния в карфагенском торговом судостроении он совместил вот с этим вот «на хрен, на хрен» и заказал в результате «замаскированную бирему» на основе старого традиционного судна этрусков. Универсального, и для торговли, и для военных походов.

С виду оно здорово драккар викингов напоминает. Если бы ещё и обшивка его бортов была внакрой, а не вгладь — так вообще было бы трудно отличить. Ну, если точнее, то не «длинный» драккар, а грузовой кнорр, который попузатее и повысокобортнее его, но тоже со вполне обтекаемыми обводами. Таран на носу и у этого этрусского судна есть, но небольшой и в глаза особо не бросающийся. «Пирата» лёгонького он потопит без особого труда, а вот против настоящего военного судна слабоват, против той же триремы ловить нечего, так что не выглядит он военным прибабасом. И «биремность» его тоже в глаза не бросается, а замаскирована. Нет у него никакого второго яруса вёсел.

Как, например, у той же триремы движитель её основной устроен? Натъканы в ней люди, как сельди в бочке. За счёт расположения вёсел и гребных банок в шахматном порядке три гребных яруса схитрожопить ещё кое-как можно, но и мореходность такого монстра остав-

ляет желать лучшего. Целые военные флотилии античного мира идут на дно, если хороший шторм их в открытом море застигнет.

А как тогда быть с подобными кораблями повышенной ярусности? Реально — никак. Пентера та же самая или квинкерема — технически тоже трирема, только побольше да пошире. Не вёсел у неё пять рядов, а гребцов — по одному на нижнем ярусе и по два на среднем и верхнем. Соответственно, и вёсла на этих ярусах подлиннее да помассивнее.

Выигрыша в скорости это особого квинкереме не даёт — физику не обманешь. Более широкий корпус — это и большее сопротивление воды, да и тяжелее квинкерема намного. Смысл квинкеремы в другом — большая вместительность и грузоподъёмность при той же примерно «триремной» скорости. На квинкереме благодаря этому и морпехов тяжеловооружённых побольше, и артиллерии камнемётной, и в бою с себе подобными она не столько таранит, сколько расстреливает противника издали. Естественно, и противник для столь гигантского чудовища нужен достойный, ему под стать, иначе такая машина себя просто-напросто не оправдывает. Сейчас, когда в Западном Средиземноморье господство римского флота никем не оспаривается, все римские квинкеремы на Восток переброшены, а тут Риму и трирем за глаза хватает. Оттого и не мозолят тут квинкеремы никому глаза и не наводят «контролирующих и надзирающих» на ненужные мысли.

Вёсел у перевозящего нас «Любимца Нефунса» всего один ряд, но вёсла эти — «квинкеремного» типа, длиннее и мощнее обычных, и орудует каждым из них два гребца. Если максимальная скорость не нужна — часть вёсел убирается, как и сделано сейчас. А в результате «биремного» вида «Любимец Нефунса» не имеет и особого интереса римлян не вызывает. Глянули они на нас мельком да и переключились на другие суда, выглядевшие в их глазах поподозрительнее нашего. Тем более что и разгадай они даже немудрёный, в общем-то, секрет «замаскированной биремы» Арунтия, не особенно-то он их встревожит. Один хрен, не тягаться его «хитрому» кораблю

в скорости с триремой, вся конструкция которой заточена под стремительный ход любой ценой.

В принципе-то античный мир до запрета серьёзного оружия частникам как-то не докатился. У доброй половины купчин «скорпионы» открыто на их судах видны, и вид их римлян как-то ни разу не напрягает. Теоретически-то и трирему купец иметь вправе, да только на хрен не нужна она купцу. Груза возьмёт не больше хорошей «круглой» гаулы, а на прокорме полутора сотен гребцов разорит в первом же рейсе — и это если ещё повезёт и её не утопит первый же шторм. Куда дешевле и проще государству налоги отстёгивать на содержание военного флота, который как раз и защищает добропорядочных морских негодьян от буйной пиратской вольницы. А сейчас карфагенским купцам в этом плане вообще лафа. Содержание десяти разрешённых Карфагену трирем обходится им в гроши, а львиную долю защиты от пиратов обеспечивает им теперь Рим — ага, за счёт своих же римских налогоплательщиков. Вот она, цена имперских амбиций! Впрочем, раз уж этим гордым квиритам настолько хочется называть Внутреннее море Римским, что они даже готовы оплачивать это удовольствие из собственного кармана — нам, татарам, всё равно. Мы ж, чёрные, все хитрожопые, и наше дело — пользоваться этим римским имперским бзиком, пока время на это есть. Лет эдак почти пятьдесят, если мне склероз не изменяет...

Был у нас уже разговор на эту тему.

— Макс, ты, часом, не охренел? — спросил меня Володя, когда я впервые озвучил идею «перевода на новое место службы». — Ты же сам как-то говорил, что этот грёбаный Катон, который «Карфаген должен быть разрушен», уже при власти и влиянии! За каким хреном мы полезем в эту мышеловку, когда от неё угрёбывать надо к гребени-матери?

— Ну, не сей секунд, — урезонил я его. — Карфагену звиздец наступит, насколько я помню, в сто сорок шестом году до нашей эры. Так или не так?

— Да, в сто сорок шестом, — подтвердила Юлька, которая у нас хоть и истеричка по характеру, зато историч-

ка по образованию. — Но там ведь и осада была трёхлетняя.

— Хорошо, добавляем три года. Раз всё это ещё до нашей эры, то не вычитаем их, а приплюсовываем — получается сто сорок девятый год. Ну, будем считать, что войну объявили, войско с флотом собрали и отплыли в сто пятидесятом. А у нас сейчас начало сто девяносто шестого. Сорок шесть лет у нас в запасе до той заварухи, и в нормальном мегаполисе мы проведём их и удобнее, и продуктивнее. В Испании, насколько я помню, войны будут ещё нешуточные, а вот затронут они Гадес или нет — чего не знаю, того не знаю. Не штудировал я как-то Полибия.

— Я тоже не штудировала, — призналась Юлька. — Но вроде помню, что и Катона в ближайшие годы направят на усмирение Испании.

— Ну, этот долботрах наворотит в ней дел! Думаю, что в Карфагене будет всяко спокойнее.

— А набеги нумидийцев Масиниссы? — припомнила наша историчка, вообще-то хорошо знающая только историческую «лирику», но изредка припоминающая всё же и более полезные по жизни крупицы.

— На сельскую глубинку, в которой мы жить не собираемся. Там, кажется, есть ещё такая тонкость, как Пунические рвы — пятидесятикилометровая примерно зона вокруг Карфагена. Вот за пределы этой зоны по условиям договора с Римом карфагенская армия не имеет права выходить из города без согласования с римским сенатом, и как раз вне её нумидийцы, когда просекут расклад, примутся творить, что левой ногой захочется, а внутрь этой зоны они не сунутся, в ней им быстро рога обломают.

— Да, вспомнила! Вот как раз самовольный выход карфагенских войск против нумидийцев за пределы этой зоны и стал поводом для Третьей Пунической!

— Вот именно! Но тут ведь и ещё один немаловажный нюанс. К тому моменту Карфаген уже полностью выплатил Риму наложенные на него «репарации» и больше ни хрена не был ему должен. То есть перестал быть для Рима той дойной коровой, которую жаль резать. А сейчас он только начинает расплачиваться и нужен Риму целым

и богатым. Поэтому Катона в сенате ещё долго будут слушать вполуха.

— А ты со своей малолеткой успеешь и наплодить детей, и вырастить их! — не удержалась Юлька от вполне прогнозируемой очередной шпильки.

— Зато каких! — я картинно закатил глазки. Собственно, по сути она права — даже при всех этих вполне рациональных причинах лично я рвусь в Карфаген прежде всего по причинам сугубо личным — из-за Велии...

Это долгая история, если кто не в курсе, и начинать её следует с того, что нас, вполне современных людей нормального двадцать первого века, какая-то непонятная нам хрень как-то резко перебросила в античное прошлое — аж в осень сто девяносто седьмого года до нашей эры. Серёга вон до сих пор на пресловутом адронный коллайдер грешит — особенно, когда выпьет лишнего. С него, раз уж он пришёлся к слову, и начнём.

Серёга Игнатьев — геолог по образованию и московский офисный планктонщик по своей реальной профессии. Не дурак выпить и раздолбай раздолбаем, в армии срочную не служил.

Юлька Сосновская, его подружка — студентка Московского пединститута, и к счастью для нас, его исторического факультета. Как и большинство пединститутских — за всех в этом плане ручаться не могу, поскольку со всеми ими не знаком, — она озабочена как сексуально, так и матримониально. Сексуально, пожалуй, в большей степени — оторва, между нами говоря, редкостная. Поскольку в моём вкусе смуглые брюнетки, а она как раз из таких, то были уже случаи убедиться, гы-гы! Но — тсс, а то Серёга рядом и незачем ему лишнее слышать. Тем более что всё это, как говорится, было настолько давно, что успело уже стать неправдой, и если сама Юлька почему-то считает иначе, то это её проблемы. Стерва она, надо сказать, тоже первостатейная — редкостной в этом смысле назвать её не могу, потому как в наше время это явление, увы, давно уже не редкостное.

Володя Смирнов — простой московский автослесарь, но ценен он не этим, а тем, что срочную он служил в армейском спецназе, в дивизионной разведротке, и по части